

«Интересно живу и удивляюсь наследию нашего края!»

Не стало Сергея ПЕТРОВА, известного краеведа, четверть века проработавшего в УлГУ. В память об этом удивительном человеке мы публикуем архивное интервью с Сергеем Борисовичем, где он выступает не только как историк, но и как очевидец и участник многих ярких событий.

- Сергей Борисович, как краевед вы следили и следите за обстановкой в нашей области. В истории Ульяновска есть важные моменты. Например, в 60-е сносились здания для строительства Ленинского мемориала, пединститута, гостиницы «Венец». Что вы помните об этом?

- Я об этом очень много знаю и помню, потому что улица Ульянова, которая до революции называлась Стрелецкой (в память о симбирских стрельцах), — это моя родная улица. Я провел на ней первые восемь лет жизни, помню каждый дом.

Снос не только этой улицы, но и еще трех, был ужасной ошибкой, невосполнимой утратой... Потому что, если создавать заповедник «Родина Ленина», до которого додумались только в конце семидесятых годов прошлого века, то лучшего места не было: все сохранилось, как при Ленине, за исключением, может быть, одного здания. Кроме того, эта территория оползевая и, как сейчас показывает практика, почва движется. Оползень угрожает Ленинскому мемориалу, педагогическому университету. Нельзя такие огромные здания ставить на обрыве над Волгой.

Еще один ущерб от сноса улицы: у нас ведь не построено ни одного здания для краеведческого и художественного музеев. Если бы остались эти добротные строения, в особенности Дом губернатора и несколько других, была бы совсем другая обстановка. Вот уже три года закрыт художественный музей на втором этаже здания на Венце, и когда он откроется, посетители узнают, что музей лишился еще одного зала из-за протечки потолка. Кто за такой ремонт ответит? Краеведческий музей на первом этаже жалко выглядит: он очень стеснен, и кто из туристов в нем бывает, говорит, что это районный музей пятидесятих годов прошлого века, а не областной. То есть, куда мы ни пойдём, огромные убытки от этой мемориальной зоны. Сейчас реставрируют Ленинский мемориал, уже миллиарды ушли и еще уйдут.

... Дом губернатора предлагали развернуть и поставить параллельно корпусу нынешнего инфака педузу. Старые большевики ходили в обком КПСС, просили не сносить здание-памятник истории, где располагались первые советские учреждения, а также бывал Пушкин, служил Гончаров. Ни в какую, лишь бы все сломать. Архитекторы предлагали от Симбирска оставить буквально десять зданий. Можете себе представить, один из них требовал сломать Дом офицеров, потому что, видите ли, он загромождает несколько первых этажей гостиницы «Венец». Вовремя остановились, иначе бы все улицы были как Минаева и 12 Сентября, все старое хотели сломать. Почему же не удалось на сто процентов выполнить этот страшный план? В 1968 году произошло сильное землетрясение в Ташкенте, и туда нужно было послать сотни миллионов рублей, поэтому оставили хоть что-то от наследия. А то бы исторического города не было вообще — пять-шесть домов, связанных с Лениным, семье Ульяновых, и все.

Все ломали лихорадочно, очень много погибло документов, которые лежали на чердаках. Хотя Сергей Львович Сытин, доцент педагогического института, видный краевед, посылал молодежь обследовать дома, и кое-что спасли, но большинство документов и представлявших интерес вещей оказались на свалке. Это был погром. Диким варварством был слом особняка князей Хованских. Там, где здания снесли, было Стрелецкое кладбище семнадцатого века. И когда содрали верхнюю часть грунта, обнаружили скелеты в кольчугах и со шлемами. Было приказано все это немедленно уничтожить, кости все отправить на свалку. Такие примеры чудовищного национального нигилизма были показаны молодежи. Это все происходило на моих глазах. Так орудовали власти

и архитекторы — варвары того времени. А современные архитекторы и застройщики продолжают их постыдное дело: вырубает симбирское наследие и застраивают город бездарными коробками.

- А как город готовился к грандиозному празднованию 100-летия Ленина в 1970 году?

- Город готовился лихорадочно, в основном обращали внимание на Ленинский мемориал, потому что другие здания уже сдавались позже. Удивительно, какие меры безопасности были приняты во время приезда Брежнева. Я видел Брежнева издали и Левитана, замечательного диктора, и космонавта Валентину Терешкову. Брежнев шел впереди, а эти знаменитости — за ним. Можете себе представить, все вокруг было оцеплено. Солдаты стояли метрах в семи друг от друга, перед ними столбики. Нельзя было подойти к Ленинскому мемориалу на пятьсот метров.

Стали строить здание, которое тогда называлось «Дворец культуры профсоюз», сейчас ДК «Губернаторский». А ныне возрождается монастырь. Это здание не на своем месте, опять там кладбище уничтожили, где были похоронены видные симбиряне.

А потом, знаете, пришлось расплачиваться. Почему? Потому что крыши плоские, а водостоки внутри зданий проходят, и все стало протекать. До такой степени изуродовали этими протечками Дворец пионеров, что его снести хотели. В общем, многое наспех делалось: надо было отчитаться.

На Мемориал через пятьдесят лет пришлось много денег тратить. Филармония заброшена. В то время как в соседних областях построили новые здания, отличные библиотеки. У нас нет концертного зала, а в Ленинском мемориале зал для съездов, конгрессов, а не для концертов. У нас нет музыкального театра. В общем, куда ни пойдешь, у нас для культуры новых специализированных зданий немного.

Утраты велики. Изуродовано прекрасное здание на улице Гончарова, приспособленное для Театра кукол. Исчезли кинотеатры «Рассвет», «Свягя», «Пионер», погибает «Художественный».

На очень короткий период времени были энтузиазм, эйфория: вокзал построили, Дворец пионеров, стеклянную детскую библиотеку, автовокзал, речной вокзал. То есть, произошли точечные изменения. Но потом процесс созидания закончился.

- К нам приезжал поэт Евтушенко, и вы организовали встречу с ним в актовом зале пединститута. Как она проходила?

- Был февраль 1973 года. Узнав, что Евгений Александрович приехал, — он выступал в мемориале, но ему не дали там вечера, — я туда пришел, поэт сказал мне, чтобы я его проводил до номера в гостинице «Венец». Он решил погулять вместе со мной, взял коньки, и мы пошли на стадион «Труд». По дороге он меня расспрашивал, что я читаю, очень внимательно. Он тогда сказал, что у нас не идеология, а «креслология», что человек сидит в кресле и любой ценой хочет это кресло удерживать. Евтушенко катался, я сторожил его шубу, очень дорогую, и ему покрикивал «хэй-хэй», шведский лозунг, которым приветствуют хоккеистов.

На следующий день я договорился с матерью одноклассницы, Людмилы Афанасьевой, которая была секретарем горкома партии: «Галина Николаевна, а можно организовать выступление Евтушенко в пединституте?». Она говорит: «Пожалуйста, Сережа, организуй». Я организовал, и Евтушенко выступал. Я пленки принес, записали на магнитофон его выступление, а потом приказали пленки уничтожить. Там был человек, который оказался предателем. Он был заведующим кафедрой научного коммунизма. Со

своей женой потом такие страсти развел: «Какой ужас! Евтушенко разложил молодежь!». В городе возник скандал.

Это ярчайший эпизод моей жизни в то глухое время, а через много лет все повторилось, только блестяще. Я узнал, что уже больной, потерявший ногу, Евгений Александрович в июне 2015 года направился на гастроли в поездке, что из Саратова он проедет через Ульяновск, и я раздобыл нужные телефоны. Звонил его помощнице, надоедал. Слышу: он спрашивает секретаря: «Кто это звонит?» — «Да вот, хотят в Ульяновске что-то узнать». Я попросил разрешения прийти в вагон и переговорить. «Ладно, пусть приходит». И оказалось, что поезд сорок минут стоит. Мы поехали с директором Дворца книги и журналистом Вадимом Пилуковым. Очень тепло встретил и согласился выступить у нас. И он приехал в декабре 2015 года, выступал в Большом зале мемориала. Я решил взять реванш за прошлый визит и предложил сначала: пусть он опять выступит в педуниверситете, а потом у нас, в УлГУ. А жена этого человека, который был заведующим кафедрой научного коммунизма, сказала, что ни в коем случае нельзя допускать выступления Евтушенко: он может ляпнуть что угодно. Я обратился в УлГУ, тут же нашел поддержку со стороны руководства, предложил избрать знаменитого поэта почетным профессором.

Евгений Александрович выступал у нас блестяще, в актовом зале второго корпуса. Ему в торжественной обстановке вручили диплом и облекли в мантию. В УлГУ он дал пресс-конференцию.

- В 1974 году вы уехали из Ульяновска, но потом вернулись обратно. Почему?

- Мне невозможно было работать там, где хотелось, на мне было клеймо в связи с доносами. Все пытались диссидентом каким-то изобразить. Никакой карьеры у меня тут не было, и я уехал на 16 лет. А вернулся я после защиты кандидатской диссертации, после обучения в аспирантуре МГУ имени Ломоносова. Я там имел счастье прожить три года в главном здании МГУ на Ленинских горах, теперь Воробьевых. Узнал, что здесь открылся филиал МГУ, и вернулся на родину.

- Вы тесно связаны с Дворцом книги. Как раньше строилась работа библиотеки? Что читали жители города?

- Действительно, история нашей областной библиотеки сейчас воспринимается как нечто фантастическое. Здесь по субботам и воскресеньям можно было видеть до 500 посетителей! Очень тяжело приходилось студентам: сначала молодежь стояла, чтобы сдать пальто в гардеробе, потом поднималась наверх, и, наполнив листочки на книги, стояла в очереди сдать листочки. Потом выяснялось, что надо что-то скопировать, и люди опять стояли в очереди — к единственному ксероксу.

Сначала у этого здания не было пристройки, и все занимались в нескольких исторических залах. Там были отделы краеведения, нотного-музыкального, сельского хозяйства, он же технический, Ленинский зал, большой читальный зал.

Но что удивительно: справлялись тогда библиотекари, здесь были ветераны, люди очень интеллектуальные. Вы могли у них спросить: «А что в толстых журналах?», и они советовали, что почитать.

А затем количество читателей стало уменьшаться. Сейчас здесь есть отдел обслуживания, несколько заместителей директора, какой-то японский музей, много персонала — чего тут только нет, а народу очень мало. Одни уверяют, что студенты все читают в интернете, но в интернете далеко не все есть, тем более никто не заменит общение со старинными книгами, с роскошными альбомами, с периодикой. В общем, жизнь изменилась, и из библиотеки сделали своего рода клуб: здесь устраивают концерты, разного рода

акции, экскурсии, выставки, а читателей мало, хотя фонды замечательные, очень ценные.

Ну, может, когда-нибудь вернется интерес к чтению, и молодежь не будет, как мы говорим, тусоваться на улице, научиться читать книги. Так что надо посещать библиотеки, это невероятные сокровищницы! В качестве анекдота расскажу. Несколько лет назад при моем участии во Дворце книги выступал хор из Аргентины, и Олег Робертович Самарцев направил студентов взять интервью. Они услышали «во дворце» и пошли во Дворец пионеров, а там нет никого. Потому что они в библиотеку не ходили и не знали, что это и где.

- Сергей Борисович, именно благодаря вам стало известно, что выдающаяся звезда отечественного фигурного катания — олимпийская чемпионка Людмила Белоусова — родилась в Ульяновске. Как вы это выяснили, и какие места в городе с ней связаны?

- Я очень горжусь этим фактом. Сначала меня взволновала книга «Золотые коньки с бриллиантами», которую выпустили Белоусова и Протопопов, там один раз упоминается Ульяновск. И я все искал доказательств. В Ульяновске большинство считали, что она родилась в Ленинграде. Это оказалось не так. Ее отец был офицером нашего танкового училища — и она родилась здесь в 1935 году. И с перерывами жила до 1946 года. Я услышал, как она выступила по радио «Свобода» после смерти выдающегося тренера по фигурному катанию Станислава Жука. И сказала: «Мы из одного города родом, из Ульяновска».

Тут я предпринял шаги: знакомые дали мне адрес одной женщины, которая меня связала с ее сестрой. И я получил их адрес, Людмила Белоусова жила с мужем в Швейцарии, в местечке Гриндельвальд. Я написал, получил ответ, звонил. У Людмилы Евгеньевны все уточнил, все подробности. Она жила с родителями в доме номер 144 по улице Ленина, на четвертом этаже, в торцовой части, выходящей окнами и балконом на запад. До этого семья квартировала в офицерском доме на улице Кузнецова, 7, где сейчас находится мэрия. Девочка посещала Дворец пионеров, начальную школу, где находится музей Пластова, и какой-то каток, наверное, «Спартак», где впервые встала на коньки.

Белоусова родной город помнила, а я писал городским, областным властям, просил очень пригласить их к нам — ни в какую. То есть еще можно было до того, как она тяжело заболела, — они же прилетали в Петербург, Москву, Сочи, можно было в Ульяновск их пригласить. Нет, не пригласили. Удалось открыть мемориальную доску, очень скромную, она содержит ошибки, неточности, и я все добиваюсь смены этой доски. Потому что сначала увековечили Людмилу Белоусову, а когда я разговаривал с ее мужем, Олегом Протопоповым, Олег Алексеевич сказал: «Она же не одна каталась. Конечно, нужно написать, что в паре с Протопоповым».

... Когда идет речь о великих земляках, приходится иногда выдерживать несколько лет борьбы. Казалось бы, город должен быть заинтересован, потому что земляки прославляют. Вот какая-нибудь деревушка, в общем-то крошечная, — Михайловское или Тарханы, — туда едут, потому что там Пушкин, Лермонтов. Чайковский в Клину жил, тоже городишко такой интересный, но маленький, едут туда. У нас я предлагаю какую-нибудь спортивную школу назвать, проводить турнир памяти Белоусовой, но пока не встречаю никакого сочувствия. Она тепло относилась к городу, со мной очень хорошо разговаривала, следила за нашими земляками. В Африке теракт был с нашими летчиками, очень сочувственно к этому отнеслась. Замечательный был человек, талантливый, можно гордиться.